

Нона Шахназарян (РА), кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник института
археологии и этнографии НАН

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРАНИ ДИСКРИМИНАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ В ПОСТ-СОВЕТСКОЙ РОССИИ: НА ПРИМЕРЕ РУССКОГОВОРЯЩИХ АРМЯН-МИГРАНТОВ ИЗ АЗЕРБАЙДЖАНА (1990-2016 ГГ)

Во множестве своих переливающихся красок *нации* в их объективистском понимании озадачивают нас всей палитрой оттенков *единений* и *различений*, что порождает свои дилеммы и головоломки. К одной из таких «загадок» можно отнести, говоря на языке социальных наук, конструирование *Своего* как *Другого*, *Чужого*. Эти процессы имели место в контексте нескольких параллельных осей и координат, как то: противопоставление советского на формальной основе этнической разнородности, равно как противопоставление армянского армянскому на формальной/нарративной основе языковых и культурных различий. Важную роль в таком отчуждении сыграли ряд причин, среди которых также крах дутой плановой экономики по всему протяжению так называемого «соцлагеря» и в частности стремительное падение экономических показателей как центра (продовольственный кризис в Москве), так и некогда процветающей АрмССР - советской республики, - вылившееся сразу во все возможные кризисы – топливно-энергетический, продовольственный, транспортный. Тем самым, обзор российской и республиканской прессы начала 90-х гг¹⁶⁶. и изучение работ, анализирующих состояние быта и повседневных забот жителей ранней постсоветской России¹⁶⁷, Армении¹⁶⁸ и Нагорного Карабаха¹⁶⁹, позволяют не только выявить, но и рационализировать некоторые труднообъяснимые явления в межгрупповых (межэтнические коллизии, ксено-

¹⁶⁶ Газеты: центральные «Правда»; республиканские Эпоха, Голос Армении, Республика Армения; локальные: Газета Маштоц (печатный орган армянской общины Краснодарского края. Краснодар). Журналы «Литературная газета», «Огонек».

¹⁶⁷ Юрчак А. (2015) Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. Costa; Центральные газеты.

¹⁶⁸ Platz S. Pasts and Futures: Space, History, and Armenian Identity, 1988–1994. ProQuest Dissertations and Theses, 1995.

¹⁶⁹ Нона Шахназарян, 2011

фобия, бытовой и государственный расизм) и внутригрупповых взаимоотношениях среди различных групп армян сразу после развала СССР и в период становления независимости бывших советских республик. К таковым можно отнести феномены *стереотипизации / категоризации и отчуждения*, в частности, беженцев из Азербайджана¹⁷⁰. К этому кругу проблематизаций относятся также плохо описанные трения между «старой» и «новой» армянскими диаспорами, который представляет собой несколько не уникальное явление, многократно описанное на примере многих разделенных разного рода границами одной и той же этнической группы.¹⁷¹ В рамках предлагаемой вашему вниманию статьи автор больше фокусируется на первом аспекте – игнорировании общего советского опыта и попытке социальной маргинализации советских беженцев из Азербайджана в условиях постсоветской России¹⁷². Обобщения здесь, как всегда, неуместны, поскольку ситуации с беженцами отличались в зависимости от географии, региона и множества других критериев, к которым я вернусь ниже. Тем не менее, каким бы широким ни был спектр различий, эти отношения имеют свои структурные сходства и политическую предысторию.

Мощная волна беженцев из Азербайджана в разных направлениях, включающих Нагорный Карабах, Армению, Россию, Украину, США и европейские и иные страны началась с февраля 1988. После погромов армянского населения на территории Азербайджанской ССР во всем перечисленном многовекторном траекториям с разной интенсивностью стали стекаться армяне из Сумгаита, Баку, Кировабада, Мингечаура и других городов и сел Азербайджана. Кроме того, в 1991-1992 гг., в результате карательных военных операций, проводимых отрядами особого назначения (ОМОН) МВД Азербайджана под общим названием операция «Кольцо» (при поддержке и сотрудничестве МВД СССР), были

¹⁷⁰ Шахназарян Нона А где же мы «свои»? Бегство и миграции армян Азербайджана. Вестник Евразии, выпуск № 2. Москва, 2008. Сс. 96-124.

¹⁷¹ См. например: Andreas Glaeser, *Divided in Unity: Identity, Germany and the Berlin Police*, Chicago, University of Chicago Press, 2000. В своей книге Андреас Глейзер пишет, что новые социальные условия создают новую, другую немецкую идентичность, которая не исчезает немедленно с наступлением перемен (таких как воссоединение двух Германий). Автор задается вопросом, почему спустя десятилетия с момента падения Берлинской стены Германия по-прежнему остается разделенной.

¹⁷² Donabedian P. *La politique de discrimination à l'encontre des Arméniens en Azerbaïdjan*. Genève: UN, 1990.

депортированы жители Шаумянского района и Геташенского подрайона. До 1992 г. эти люди вместе с населением Нагорного Карабаха оказались в кольце блокады, которая ограничивала их мобильность. Большинство беженцев и вынужденных переселенцев, переселившихся в свои «родовые гнезда» в Нагорном Карабахе (их число в начале конфликта доходило до 120 тысяч), покинули Карабах после взятия армянскими силами самообороны города Шуши/а в мае 1992-го и прорыва кольца блокады посредством захвата Лачинского района и близлежащих территорий. Они уезжали в Армению, многие потом транзитом в другие страны в основном в Россию. На сегодняшний день, по данным общественной организации беженцев (интервью с одной из лидеров общественной организации беженцев Рузанной Авакян), в Нагорном Карабахе проживают чуть более 50 тысяч беженцев из Азербайджана, включая внутренне перемещенных лиц (ВПЛ)¹⁷³, что означает, что около 70 тысяч покинули Карабах, перебравшись в большинстве случаев в Россию.

Настоящее исследование ставит своей целью проследить за судьбой этих людей, которые в хаотическом беспорядке устремились в Нагорный Карабах и в Армению, но вскоре оказались в России; кто-то без обиняков направился прямо в российские города, где у них, обычно, имела сеть родственная сеть.

Метод и исследовательские вопросы. Цель настоящего исследования - внести вклад в научную дискуссию о насильственных миграциях, межэтнических трениях в процессе подобных передвижений-пертурбаций и о конструировании новых/перекраивании прежних идентичностей, имеющих своей конечной целью интегрирование в новых местах проживания. В частности, в тексте рассматривается природа насильственного перемещения, равно как и ткань межэтнических и субкультурных взаимоотношений в контексте нарастающего недостатка ресурсов в так называемых *принимающих* обществах. Незатейливые *биографические интервью* (часто возвращающие исследователя к тем же самым людям – этот факт определил *лонгитюдность* исследования повседневности, придавая ему новые значимые грани) стали тем самым ключевым источником, создавшим методологическую базу исследования.

¹⁷³ См. также: Тарана Кязимова, Анна Мурадян, Алвард Григорян, Юрий Манвелян (сентябрь 2012) Беженцы:вчера, сегодня, завтра <http://theanalyticon.com/?p=2365&lang=ru>

Исследование сочетает в себе также сравнительный подход (некоторые параллели проводятся между США, Арменией и де факто Нагорно Карабахской республикой) и вышеупомянутые сложные и долговременные техники изучения повседневности, социального микроуровня. *Долговременная перспектива, лонгитюдность* исследования является следующей характеристикой работы, позволяющей сочетать синхронно-диахронические параметры. Следующая особенность касается статуса самой исследовательницы, которая, будучи одним из членов сообщества мигрантов, являет собой его неотъемлемую часть. Эта позиция предоставляет ей фантастические возможности, позволяя часто просто наслаждаться *наблюдениями* сцен и монологов/диалогов/полилогов и иных чрезвычайно релевантных ситуаций, щедро подаренных автору её особым статусом «своей». Часто эти сцены спорадически открывались моему «социологическому глазу» просто в рутинном процессе собственной жизни, требуя от исследователя простой дисциплины фиксации материала. Такой спонтанный метод имел место все эти годы, но особенно в период с 1993 по 2000 гг. Однако, более поздние наблюдения отличились большей сконцентрированностью на сборе материала по теме. Два пика *включенного наблюдения* пришлось на 2012-2013 и 2015-2016 гг. Базируясь на эмпирически выверенных данных, полученных в основном из упомянутых биографических интервью (в сумме более 180 интервью, собранных в российских городах), в этом исследовании предпринимается попытка коснуться целого круга взаимосвязанных проблем. Какова динамика повседневных внутригрупповых взаимоотношений в России после развала СССР до настоящих дней? Каким образом идентичности и социальные роли обсуждаются в ситуации, когда социальная среда переезда *не считается* незнакомой и новой для новоприбывших (как это случилось с семьями, бежавшими из Азербайджана в Россию)? До какой степени ВПЛ/беженцам удалось интегрироваться в новых условиях? Какие факторы мешали этому процессу, а какие содействовали ему? Полевые материалы, собранные в процессе этнографического исследования, касаются социального взаимодействия между беженцами и принимающей стороной в период с 1988 по 2015 гг. в российских городах Краснодар, Минводы, Москва и Санкт-Петербург. Кроме того, имели место так называемые *экспертные интервью* и беседы с работниками гражданского сектора и общественных организаций беженцев; с официальными лицами в Краснодаре; библиотечные исследования по теме.

Теоретические и концептуальные рамки: терминологические ловушки. Настоящее исследование приглашает к «развязыванию» нескольких проблемных узлов. Один из них – это терминологический узел, академическую важность которого определяет попытка «настроить на определенные волны», обсудить, оговорить тот язык и концептуальный аппарат, который заведомо не заведет исследователя в эссенциалистский, в геополитический, в этический или, в целом, в дискурсивный тупик. В этом смысле значение языковых «торгов» трудно переоценить. Встает насущный вопрос как называть изучаемую группу в смысле академической выверенности и политической корректности: *беженцы, внутренне-перемещённые лица*, а, может, просто *мигранты*? Чтобы разобраться в этом вопросе, по-хорошему, следовало бы попытаться реконструировать социально-политический и экономический контекст начала 90-х гг., богатых международными историями подобного рода – этнических чисток, погромов и иных насильственных действий самого разного калибра. Дж. Тоал считает, что «перемещенные лица оказываются на задворках общества в коллективных лагерях - в поселениях и жилых комплексах с плохими условиями проживания. Они являются символами жертвенности и очень часто становятся жертвами символических войн, которые ведут лидеры государства или политики во власти с внутренней оппозицией»¹⁷⁴.

Согласно докладу международной кризисной группы (МКГ) 2005 г. о перемещенных армянах, власти Нагорного Карабаха утверждают, что одну треть населения существующей *де факто* республики составляют так называемые беженцы и ВПЛ. Власти полагают, что от 10.000 до 15.000 человек из довоенных Шаумяна и Геташена (Азербайджан) и около 20.000 из Мардакерта и Мартуни (бывшие составные части НКАО) являются ВПЛ¹⁷⁵. Жителей других частей Азербайджана они называют беженцами. Так как Шаумян и Геташен присоединились к Степанакерту, заявив об отделении в 1991 году, они описаны как "армянская территория, часть Нагорного Карабаха, незаконно оккупированная азербайд-

¹⁷⁴ Тоал Джерард Возвращение и его альтернативы: международное право, нормы и практика, дилеммы этнократической власти, реализация, справедливость и развитие <http://theanalyticon.com/?p=71&lang=ru>

¹⁷⁵ Более детальное описание депортаций из Шаумяна и Геташена можно найти в Human Rights/Helsinki Watch – Азербайджан: семь лет конфликта в Нагорном Карабахе (Нью-Йорк, 1994 г.). См. также подробный отчет правозащитной организации из России "Мемориал" на <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/karabah/Getashen/chapter1.htm>.

жанскими вооруженными силами" (данные МИД НКР)¹⁷⁶. Так как мировая общественность считает Нагорный Карабах частью Азербайджана, все эти люди в ее представлении внутренне перемещенные лица (ВПЛ), а не беженцы. Азербайджан заявляет, что это были не депортации, а операции правоохранительных органов для борьбы с криминальными бандами. Власти Нагорного Карабаха утверждают, что многие армяне, которые жили в советском Азербайджане – особенно в Баку и Сумгаите, родом из Нагорного Карабаха и уехали из Карабаха одна часть добровольно - в поисках хорошей работы и образования, другая часть насильственно, как часть общегосударственного замысла индустриализации и модернизации нефтеносного Баку¹⁷⁷. По их словам они возвращаются на "родину". Власти Азербайджана громко возражают, ссылаясь на IV Женевскую конвенцию, о защите гражданских лиц в военное время (от 12 августа 1949), где статья 49 гласит, что "оккупационные власти не должны депортировать или переселять часть своего гражданского населения на оккупированную ими территорию"¹⁷⁸. Как видно из подобных заявлений, вопрос беженцев крайне политизирован. Тоал говорит о политизации вопроса в игровых терминах (*шахматная игра беженцами*), считая возвращение и местную интеграцию продолжением конфликта. В то же время подобного рода политические стратегии открывают возможности для международного сообщества в достижении своих политических повесток. Так или иначе, фактически контуры либеральной этнократии открывают возможности для переговорных процессов¹⁷⁹. Можно следовать дальше, предлагая новый вариант названия «объекта» настоящего исследования – как ни посмотреть, армяне из Азербайджана - *беженцы и/или внутренне перемещенные лица* (ВПЛ/ИДР), если считать, что СССР, мгновенно

¹⁷⁶ Нагорный Карабах: взгляд на конфликт с места событий. Доклад №166 Европа, 14 сентября 2005 International Crisis Group с. 8
http://www.crisisgroup.org/~media/Files/europe/166_nagorno_karabakh_rus.pdf

¹⁷⁷ Интервью с беженцами-бакинцами подтверждают насильственный характер переезда: «Мне было только 16. Наш (Мартуни, НКАО – Н.Ш.) начальник милиции вызвал меня в свой кабинет и приказал уезжать в Баку» (Мкртычев Рантик, беженец).

¹⁷⁸ Письмо от 11 ноября 2004 года от Постоянного представителя Азербайджана президенту Генеральной Ассамблеи ООН 59-го созыва, пункт 163 повестки дня, "ситуация на оккупированных территориях Азербайджана", A/59/568.

¹⁷⁹ Тоал Джерард Возвращение и его альтернативы: международное право, нормы и практика, дилеммы этнократической власти, реализация, справедливость и развитие <http://theanalyticon.com/?p=71&lang=ru>

ставший за границей, был общим домом на протяжении 70 лет, а также их взаимодействия с членами *принимающего общества* в России.

В то же время, этнографические штудии по конфликтам и миграциям выявили модели того, как беженцы и/или ВЛП заново изобретают *новые идентичности*, приоритеты и жизненные стратегии, чтобы совладать с травматическим переездом из своих привычных географических и социокультурных сред в новые места проживания. Эти перемещения были тем болезненнее, чем непроницаемее была сконструированная в сознании граница между *Своими* и *Чужими*. Следует отметить, что собранные данные касаются, прежде всего, процессов, происходивших в самых «низах» изучаемых сообществ, поскольку государство (азербайджанское, армянское и российское), переживая череду кризисов, в лучшем случае проявило полную или почти полную индеферентность (город Москва и Ростовская область выступают как исключения)¹⁸⁰ к своим беженцам, ловко скинув свои функции на социально-активных индивидов, как это было в Москве. Эти перипетии описаны в восьми статьях Лидии Ивановны Графовой (народный депутат РСФСР) в «Литературной газете» (ЛГ) и «ЛГ-досье», которая подвергалась угрозам, но в конечном итоге преодолела сопротивление ведомств, отвечающих за гласность. Последние чинили препоны, поскольку видели в ней нарушителя негласно установленного *принципа паритета* вины и ответственности за насилие, кровь и исход народов. При наихудшем сценарии российские государственные институты открыто чинили беженцам препятствия, подчас в самой криминальной манере, как это было в Краснодарском крае с его драконовским законом о прописке¹⁸¹. Особняком стоит вопрос о разноликкой природе взаимодействий между различными группами армян в России, то есть, выражаясь упрощенными формулировками, отношения между «старой» и «новой» общинами или диаспорами (еще один бесконечно проблемный и растекающийся термин).

Множественность дискриминации и маргинализации: теоретические подходы. Невзирая на то, что академическая литература

¹⁸⁰ Серия интервью: Артур Аванесян, 1958 г.р. уроженец Баку, житель поселка Чалтырь; Михаил Оганесян, 1973 г.р. – телефонное интервью, касающееся жизни в Москве в ранние 90-е (Менло Парк-Лас Вегас, 13 февраля 2017).

¹⁸¹ См.: Light M. *Fragile Migration Rights. Freedom of Movement in Post-Soviet Russia*. Routledge: London and New York. 2016. Pp. 116-146; Шахназарян Нона (2008) А где же мы «свои»? ... (Ibid) с. 119-121.

последних лет предлагает целый спектр терминов для концептуализации/описания/определения сложных диаспоральных явлений, в процессе исследования обнаружился целый ряд понятийных ограничений, отражающий тот же спектр вышеописанных проблем политико-географического/геополитического свойства. В этом смысле богатая вариативность вновь изобретенных терминов типа *возвратная миграция, диаспоризация миграций, их секьюритизация* проблему едва ли решает.

Собранные данные, к тому же, касаются прежде всего процессов, происходивших на микроуровне; государство со своими институтами пыталось влиять на них через риторику консолидации, но без особого успеха. Тут будет уместным привести мнение Э. Хобсбаума об изучении “национальных феноменов”: хотя они конструируются сверху, их нельзя в полной мере постигнуть, если не подойти к ним “снизу”, то есть “с точки зрения убеждений, пред-рассудков, надежд, потребностей, чаяний и интересов простого человека, которые вовсе не обязательно являются национальными, а тем более— националистическими по своей природе”¹⁸². В случае с беженцами отношения между разными группами армян, включая самих беженцев, имели свою динамику, прямо и косвенно связанную с особенностями социально-политической и экономической ситуации как в Нагорном Карабахе и Армении, так и в России. В Армении и Нагорном Карабахе, эйфория национального единения постепенно угасла, а в какой-то мере ее объектом стали другие значимые события, в частности, военное противостояние на границе с Азербайджаном, диссидентское сопротивление в самой непризнанной республике, создание армии – эмоционально более острые сюжеты¹⁸³. В то время как в Россию, следом за азербайджанскими катаклизмами, беженцы хлынули из всех республик бывшего СССР. Политическая ситуация вскоре и вовсе оттеснила «маленького человека» в тень. Вскоре к власти в Москве пришел Борис Ельцин, объявивший о «свободном» выборе республик, выразившейся в его ставшей крылатой формуле «берите суверенитета (власти) столько, сколько сможете проглотить» (слова председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Ельцин, обращенные к национальным автономиям, в частности к башкир-

¹⁸² Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб. , 1998. С. 20.

¹⁸³ Shahnazarian N. National Ideologies, Survival Strategies and Gender Identity in the Political and Symbolic Contexts of Karabakh War. Cultural Paradigms and Political Change in the Caucasus, ed. N. Tsitsishvili. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2010.

скому народу. Выступление в Уфе, 8 августа 1990). Через год в августе 1991 г. произошла попытка путча. Вихрь значимых событий, обуревал все уголки страны, сменяя друг друга с беспрецедентной калейдоскопичностью. Официальная доктрина дружбы народов и интернационализма при нестабильности и слабости государства трещала по швам, обнаруживая трухлявую безосновательность советской идеологемы. Все эти стремительные перемены и турбулентные процессы создали условия для процветания новых доселе запрещенных идеологий, включая этнонационализм и не заставившие себя ждать дискриминации самого широкого спектра – от структурной до государственной и бытовой. Особенно многоликие формы имела последняя, создавая себе постаменты на рутинных наименованиях, стереотипах и категориях. В случае с беженцами эти языковые штампы менялись в зависимости от географии передвижений, причем «родина предков» в этом смысле не стала исключением¹⁸⁴. Невзирая на то, что независимая пресса эпохи перестройки и гласности изобиловала статьями о сути армяно-азербайджанского конфликта, основная масса населения не вникала в тонкости происходящего. В России клише расистских дискурсов приобрели следующие выражения: *черножопые, черные, жидята недорезанные* (про детей) – *убирайтесь в свой Израиль, незваные гости, армяшки, мусульмане*. «Вначале было много сострадания со стороны москвичей. Потом, почти сразу началась конкуренция. На восемь-десять миллионов жителей в Москву прибыло примерно 50 тысяч бакинцев – это все-таки не маленькая Армения. Сострадание в условиях недостатка ресурсов закончилось через 2-3 месяца, осталась только злость на иногородних. В очередях пошли разговоры, травля – какие они беженцы? Армяшки, жидаы, уходите из очереди. Важно было уметь за себя постоять, отпор давать, а не мямлить» (Михаил Оганесян). Виктория Атомовна Чаликова, ученый, в своей статье «За что их ненавидят?» в той же ЛГ точно раскрыла механизм провоцирования ненависти именно к тем, кто в наибольшей степени нуждается в помощи и сострадании. «Нам говорили: армяшки припёрлись сюда, пытаются тут свои мусульманские порядки установить... Ченожопые называли, и мало кто понимал кто-зачем-почему» - вспоминает московский период своей жизни Михаил Оганесян.

¹⁸⁴ Шахназарян Н.Р. От культурного размежевания к национальному единству? Интеграция армянских беженцев из Азербайджана в Нагорном Карабахе. Этнографическое обозрение, № 6, ноябрь-декабрь, 2015. сс. 40-54.

Исследуя социальную природу подобных явлений Генри Таджфел разработал концептуализацию социальной категоризации и стереотипа в терминах *конфликта интересов*. Таджфел сумел продемонстрировать самостоятельное значение категоризации, и его эксперименты с «минимальной группой» открыли отчетливую тенденцию к внутригрупповой предвзятости - к предпочтению членов собственной категории. Таджфел приходит к заключению, что «простого чувства принадлежности к двум различным группам, т. е. социальной категоризации как таковой, достаточно для порождения межгрупповой дискриминации в пользу собственной группы»¹⁸⁵. В своей книге "Этничность без групп" Р. Брубейкер также подробно касается этой темы. Он считает, что - для объяснения стереотипов нет нужды постулировать особые «потребности», например, некую потребность чувствовать свое превосходство над другими; наиболее экономно они объясняются как *естественный результат обычных когнитивных процессов*. Согласно этому пониманию, которое было подготовлено работой Гордона Олпорта, стереотипы суть просто категории социальных групп, а их структура и работа зеркально отражают структуру и работу категорий вообще¹⁸⁶. Как и другие категории, стереотипы представлены в сознании через некоторую комбинацию прототипических характеристик, конкретных образцов, поведенческих ожиданий и наукоподобного каузального знания. Как и другие категории, стереотипы подчиняются принципу когнитивной экономии, порождая заключения и ожидания, которые выходят «за рамки данной информации», с минимальной когнитивной обработкой. Подобно другим категориям, стереотипы действуют по большей части автоматически¹⁸⁷.

Память и идентичность

Погромы в Сумгаите и в Баку. Тексты протоколов сумгаитского процесса¹⁸⁸ и другие интервью по горячим следам выявляют четко выраженные речевые клише, из которых видно, в какой дискурсивной манере нация интерпретируется затеявшими

¹⁸⁵ Tajfel, Turner 1986. p. 13.

¹⁸⁶ Allport, 1954. Цит. по: Brubaker

¹⁸⁷ Brubaker, 2004. p. 72-73.

¹⁸⁸ Геворкян Павел (ноябрь 1988, Москва) Дневник судебного процесса по уголовному делу опреступлениях, совершенных против армянскогонаселения в гор. Сумгаите с 27 по 29 февраля 1988 г. 18 октября – 18 ноября 1988 г. гор. Москва, Верховный суд СССР URL:<http://karabakhrecords.info/gallery/diary-sumgayit>

этническую чистку властями Азербайджана: она видится коллективным телом¹⁸⁹, несущим коллективную ответственность за каждого своего члена в отдельности и за национальное государство в целом. Другими словами, сакрализованное представление о человеке как автономной личности девальвируется, сводится к нулю. Армяноначеленные азербайджанские города пострадали от погромов в разной степени. Часто это зависело от того, как скоро люди понимали, что настали другие времена и происходящее вокруг – всерьез опасно для жизни. Таким образом, образовались две большие группы беженцев, которых мысленно можно разделить на уехавших в 1988 г. (1) и спасенных от погромщиков и бандитски настроенных национал-радикалов в начале 1990-х гг (2). Этот рубеж четко просматривается в ходе интервью, предлагающих рассказать о воспоминаниях, то есть при попытке изучения индивидуальной памяти. Несомненно, покинувшие Азербайджан в 1988 г. армяне вспоминают свои родные места с ностальгическими нотками в голосе. Досадные акты унижения — такие как, например, оскорбительные антиармянские граффити, лозунги, устрашающие уличные шествия с громкими ненавистническими скандированиями¹⁹⁰, послания с угрозами и насмехательствами, злорадные листовки по поводу землетрясения в Армении, подкинутые в почтовые ящики, как-то со временем не сказать чтобы забылись, но притупились в памяти. Кассирша сабунчинского вокзала в Баку, произнесшая в микрофон на весь огромный зал покупающему билеты Андрею Григоряну – Что, армянин, драпаешь? (Ermeni, gachyrsan? – азерб.), все-таки преследовала цель унижить, указать на то, кто в стране главный, «титольный», напоминая тогда армянскому «меньшинству», кто доминирует. Но межэтнические страсти еще не накалились настолько, чтобы обиженные согласились бы безответно проглотить «горькую пилюлю», а обидчики все еще принимали возможный ответ, хотя бы минимально компенсирующий оскорбление. «Я сказал ей - верни мою сдачу, немедленно (обычно мы оставляли). Она молча вернула» (Андрей Григорян, интервью, декабрь, 2014 г.). Через пару лет дела обстояли совершенно иначе. «Мы выскочили из дома в чем были –

¹⁸⁹ Shahmuratian S. (ed.) *The Sumgait Tragedy: Pogrom Against Armenians in Soviet Azerbaijan*. Cambridge, MA: Aristide D. Caratzas & Zoryan Institute, 1990.

¹⁹⁰ Подробнее см.: Yalçın-Heckmann L., Shahnazarian N. *Experiencing Displacement and Gendered Exclusion: Refugees and Displaced Persons in Post-socialist Armenia and Azerbaijan*. Caucasus Edition: *Journal of Conflict Transformation*, 01.11.2010. (<http://caucasusedition.net>)

досадили в казармы в танках. Нас из Баку вывозила в Махачкалу Каспийская флотилия. Глава флотилии обратился к нам с неудачной речью, примерно такого содержания: граждане армяне, ваша жизнь в это городе подошла к своему логическому завершению. Придется вас эвакуировать в Москву. Никаких звонков с корабля нельзя было делать. Азеры стреляли по нашему кораблю из автоматов, но пули не долетали. Так нас вывозили - в обход, почти тайно. В Махачкале организовали для беженцев два поезда, расспросив у кого где живет родня, – в Москву (в основном поселили в помосковной «Рузе») и в Армению» (Михаил Оганесян). Эти события породили у большинства беженцев идентичность *козлов отпущения*, с которой многие мириться никоим образом не хотели, обвиняя в своих бедах инициаторов карабахского движения. Однако, существует также более отрефлексируемая точка зрения, согласно которой проживание в Азербайджане всегда несло в себе потенциальную угрозу для армян. «Когда ломалась империя, это обычное дело, нужны козлы отпущения – это евреи и армяне. Не было бы карабахского вопроса, нашлось бы другое. Живя в Азербайджане, мы были жертвами по определению...» (Михаил Оганесян).

Политики памяти армян, столкнувшихся с геноцидальным поведением и вандализмом в отношении себя, видевшие осквернение могил своих предков, предпочитают не оборачиваться назад, ища для себя новые компенсаторные географические локации для самоидентификации (часто это Нагорный Карабах и Армения, гораздо реже - Россия).

Армяне Азербайджана: локальное многообразие. До армяно-азербайджанской войны общины армян в Азербайджане были далеко не однородной группой, представляя почти всю палитру субкультурного многообразия армян. Компонентами этой локальной пестроты были: 1). Коренное население Шамхорского, Исмаиллинского, Шемахинского районов (включая татоговорящих армянотатов), которое проживало здесь с незапамятных времен; 2) крупные бизнесмены армянского происхождения с самыми разными корнями – от армян из Ирана до западных армян из Османской империи, привлеченных в нефтяной Баку коммерческими соображениями¹⁹¹; 3) карабахские армяне, которые жили в

¹⁹¹Семьи подчас со своими кланами, имевшие для переезда в Баку исключительно коммерческий интерес, были в некотором смысле за пределами «традиционных» этнических ограничений, устанавливая связи с Ротшильдами и

больших городах, причем пик массовой рекрутизации молодого населения обоих полов из Карабаха (зачастую это был принудительный найм работников для заводов и фабрик) пришелся на время советской индустриализации и модернизации; предыдущие миграции из Нагорного Карабаха времен нефтяного бума имели историю, восходящую еще к *Русскому Азербайджану*¹⁹²; 4) иранские армяне (основные волны их массовых миграций в регион пришлось на XVI–XVII вв. и 1828 г., год заключения Туркманчайского договора между Россией и Персией; 5) небольшое число западных армян, бежавших сюда после геноцида 1915 г.¹⁹³ Эта культурная вариативность дополнялась диалектно-языковым многообразием, а также социально-классовыми водоразделами (имущественными, клановыми, образовательными, различиями по линии город–деревня и пр.). Кроме столичного Баку, армяне проживали в Нухи-Шекинском, Ханларском, Шемахинском районах (включая известное село Матраса, с его армяно-татским населением). Гемерхана и Зарху были основаны армянами иранской провинции Хой в 1828 г. Кроме того, армяне проживали в Тертер и большой деревне Багум Саров, Кировобадского (ныне Гянджинского) района. В Товузском районе располагалась армяно-населенная деревня Хэран, в Кубинском – деревни Барахум, Карагуртли, Большой и Малый Хачмаз. Геокчайский район включал окрестные села Керкендж, Каябаши, Джафарабат; Дашкесанский, Варташенский (ныне Огуз), Куткашенский (ныне Кабала), Шаумянский, Шамхорский (всего 40 поселений) районы армяне населяли, согласно источникам, с античных времен. Армяне Нахичевани в этом ряду стояли немного особняком (как географически, так и культурно). Согласно всероссийской переписи 1897 г и первой советской переписи 1926 г армяне составляли половину населения города Закаталы.

Таким образом, армяне были в Азербайджане очень заметным меньшинством. Кроме общеармянской, все перечисленные группы имели/имеют явно выраженную локальную идентичность, и их судьба как беженцев в значительной мере предопределялась конфигурацией этих самоотождествлений. При этом

Нобелями и регулярно посещая европейские столицы (среди них семьи Мирзоевых, Манташевых, Гукасовых, Маиловых, Лианозовых.

¹⁹² Концепцию Русского Азербайджана vs. Иранский Азербайджан ввел в оборот Свентоховский: *Russian Azerbaijan 1905-1920*.

¹⁹³"Армянский вестник" 1916 г. издание № 42 уделяет внимание армянским сиротам, которых приютил Елизаветпольский комитет помощи беженцев.

самым многочисленным и во многом уникальным сообществом были армяне Баку, гармонично дополнявшие этнокультурное “многоцветье” азербайджанской столицы (хотя в век национализма история этно-религиозных отношений доходила до брутальностей). «В Российской империи не было другого такого городского пространства, более созревшего для социального конфликта, чем Баку со своим многочисленным промышленным пролетариатом, показной роскошью буржуазии и традицией общинных столкновений между христианами и мусульманами» – пишет Чарльз Кинг про дореволюционный Баку¹⁹⁴. Тем не менее, если говорить о культурной идентичности, армяне Азербайджана были носителями скорее общекавказских ценностей, чем узко-традиционалистских устоев¹⁹⁵. Другими словами, их взгляды отличались космополитизмом (“*мы были настоящими интернационалистами*”, как выразился родившийся в Баку Андрей (1969 г.р.), бывший афганец и ветеран карабахской войны), хотя некоторые участники исследования настаивали на том, что имели отчетливую армянскую идентичность (Марина и Артур Баласаняны, Элина Гаспарян, Краснодар). К тому же, в Баку шла «тихая» война, связанная с изменением легко узнаваемых окончаний армянских фамилий –ян на нейтральные с окончанием на –ов, особенно, когда речь шла о заметных фигурах, претендовавших и достигших высот в публичной сфере. Согласно свидетельствам участников, многие поддавались давлению доминирующей азербайджанской власти, особенно для достижения карьерного роста. Некоторые в порядке компромисса сокращали свои фамилии для сокрытия своего армянского происхождения и немедленной узнаваемости. Иные приписывают русификацию фамилий имперскому наследию (карабахская знать, обязательно проходившая службу в армии Российской империи). Возможно, что именно такого рода процессы могли содействовать формированию гибридной культуры и вместе с ней идентичности. Как отмечает Холл (Hall), возникающие культурные идентичности находятся в «переходном состоянии», облекаясь в различные традиции, гармонизируя старое и новое без

¹⁹⁴ “There was no urban space in the Russian Empire more ripe for social conflict than Baku, with its sizable industrial proletariat, ostentatious bourgeoisie, and history of communal discord between Christians and Muslims” (King Ch. The Ghost of Freedom P. 152).

¹⁹⁵ В противоположность азербайджанским общинам в Армении, сделавшим ставку на букву традиции. ?

ассимиляции и полной потери прошлого¹⁹⁶. Коэн определяет этот процесс, как эволюцию «культур гибридности» и тесно связывает рост в этих культурах с «новыми диаспорами», созданными колониальным опытом и постколониальными мигрантами (Cohen 131). Так или иначе, независимо от того, считали ли они себя в настоящее время носителями той идентичности, все без исключения участники утверждали, что четкая идентичность бакинских армян существовала, хотя и есть трудности с ясным определением, что означает быть бакинским армянином. Чаще всего как маркер различия упоминались бакинский акцент (и вместе с тем они считались русифицированными), русскоязычность, высокая степень интеллектуальности (Худавердян Лилия, Москва).

Культурная вариативность дополнялась также языковым многообразием. К примеру, армянское население Шеки, Варташенского и Куткашенского районов общается между собой на говоре, который отличается от хойского и карабахского диалектов, но и последние, в свою очередь, отличаются друг от друга. На эти пласты накладывались также различия классового порядка, включая прочие социальные границы типа клан, образование, типы поселения (город-деревня) и доступы к изучению языка. Культурная гетерогенность и открытость к другим культурам породили поколение как минимум двуязычных людей. Специальное место занимают особенности интеллектуальной социализации. Почти все участники исследования специально отмечали глубокое влияние русской культуры (Элина Гаспарян, Артур Баласанян, Краснодар). Многие собеседники упоминали поликультурность, космополитизм и более свободное от шор мышление. Эти качества, как им кажется, сослужили добрую службу в мультикультурной среде. Согласно мнению бакинцев Краснодарского края, бакинская идентичность стала сильнее после того, как они пережили опыт насильственного перемещения и попали под мощную ксенофобную войну в России. У москвичей на этот счет в нулевые годы и особенно в 90-е был такой же взгляд на вещи, но сейчас об этом в столицах говорят все меньше и меньше. Брутальное поведение оппонентов, как, собственно, и, в не меньшей степени, критика *СВОИХ*, очевидно, усиливает незамечаемую ранее идентичность, делая ее осязаемой, то есть максимально эссенциализируя, примордиализируя её.

¹⁹⁶Hall S. Introduction: Who Needs Identity? Questions of Cultural Identity, ed. S. Hall, P. Du Gay. London: Sage Publications, 1996, pp. 1–17.

Этническая принадлежность и гражданство

Гуманитарная помощь. Раннепостсоветские политики в отношении беженцев сначала были просто нескоординированными, а позже откровенно эссенциалистскими, отделяя в отдельную привилегированную категорию этнических русских беженцев из бывших республик. Остро вставал вопрос о том, кто вправе быть россиянином и попадали ли под эту категорию беженцы из Азербайджана? Считались ли они согражданами, париями или новой диаспорой? Иными словами, решалась проблема их социально-политического статуса в новых условиях. Как точно подметил социолог Р. Брубейкер, национальность стала рассматриваться не как факт объективной принадлежности человека к тому или иному этносу и культуре, а как заявление, преследующее политические цели, в результате чего «нация» начинает функционировать на практике как особый термин языка политики, как политическое заявление¹⁹⁷.

При этом начиная с 1988 г. в Армении, несмотря на всю сложность сложившейся ситуации, шли параллельные процессы по приему и размещению огромного количества беженцев. В условиях неразрешенного конфликта вместе с УВКБ ООН республиканское правительство сфокусировало внимание на оказании помощи беженцам с целью их скорейшей интеграции в местные структуры в Армении. По данным УВКБ ООН в Ереване, имел место одно из самых обширных проектов натурализации беженцев за последние десять-пятнадцать лет. К концу января 2004 г. более 65, 000 беженцев из Азербайджана получили армянское гражданство. Натурализованные беженцы составили часть 360, 000 этнических армян, прибывших в Армению из Азербайджана в 1988-1993 гг. в результате карабахского конфликта. Однако, армяне, бежавшие из Азербайджана в Россию и в Нагорный Карабах остались за пределами этих рапортов.

В результате огромная категория населения, пережив гуманитарную катастрофу и перенеся на себе все тяготы травли, преследований, потери имущества, войны и других лишений, оказалась почти вне поля зрения международных гуманитарных организаций, рассчитывая исключительно на глубоко персонализированную помощь «добрых людей». «На помощь людям, находящимся на грани нервного срыва, пришли замечательный

¹⁹⁷ Rogers Brubaker. In the Name of the Nation: Reflections on Nationalism and Patriotism // Citizenship Studies. 2004. Vol. 8. No. 2. P. 115-127.

психиатр Игорь Дашевский, врач Михаил Буянов. Помогали нам Ольга Афанасьевна из Минздрава» констатировала в 1990 г. армянская газета *Республика Армения*.¹⁹⁸

Московский общественный комитет помощи беженцам был создан в январе 1990 г. (до этого армяне в подавляющем большинстве своем бежали в Армению), «когда из Баку растекался по стране уже третий поток изгоев» – писала литератор, переводчик грузинской литературы Анаида Николаевна Беставашили, которую бакинские беженцы называли «матушка Тереза». «В комитете работают подвижники. Большую ношу взвалили на себя несколько десятков человек, в основном московские армяне, уже не молодые. Рядом с ними москвичи, которые близко к сердцу принимают трагедию жертв» – докладывал журналист Тигран Акопян. «У бакинских армян января 90-го года выбора почти не было. Да и власть центральная, которая поймет и поможет, в Москве. Так и попали в столицу, и осели в армянском постпредстве». В первые месяцы помощь для беженцев стала поступать из нескольких независимых источников. Среди бенефакторов были такие социальные акторы как центральное руководство, московские муниципальные власти, Армения через упомянутое постпредство и неформальные группы армянских патриотов, отдельные индивиды-жители Москвы, богатые бакинцы (например, чемпион мира, шахматист Гари Каспаров¹⁹⁹; новоиспеченные предприниматели-кооперативщики, а по факту бывшие советские «цеховики»), творческие союзы Москвы, благотворительные организации западных стран, включая представителей мировой армянской диаспоры.

Постпредство Армении превратился в тот институт, который стал аккумулировать помощь из разных источников. «Несколько сотен семей разместились в здании армянского постпредства – свидетельствует очевидец, которому в это время был школьником. По местному телевидению армянское постпредство кинуло клич, и москвичи отозвались. В основном, местная армянская община и русские тоже – десятками и сотнями» (Михаил Оганесов, интервью, февраль 2017). «Несколько женщин, включая меня, узнав, что в

¹⁹⁸ Тигран Акопян «Больной вопрос - беженцы» Республика Армения №4. 12 октября С. 3. Там же с 1. Арцах: неисповедимы пути «демократии». О телеграмме из Баку – о запрете на авиавылеты – сократить до пяти.

¹⁹⁹ Фонд Каспарова был образован шахматистом Гари Каспаровым. Вырученные от продажи чемпионской короны распределялись пенсионерам и детям только армянского происхождения. В свою очередь, русским это не нравилось (М. Оганесов).

постпредстве беженцы, принесли вещи и продукты. Принесли, а потом как уйти? Надо было вызывать «Скорые» для рожениц, парализованных, избитых. Помощь шла от частных лиц. Кооператоры привозили целые машины с хлебом, армянские обувщики обеспечили всех обувью», - вспоминает Анаида Беставашвили. В условиях нарастающего ослабления государственных институтов и нестабильности власти начался социальный хаос, сопровождавшийся идейным разнобоем. Проверка советского интернационализма на вшивость провалилась немедленно - проявления поспешного расизма советской номенклатуры имели фантазмагоричный окрас. «С самого начала власти совершили грубую ошибку. Было объявлено, что армянские и русские беженцы регистрируются отдельно. А ведь многие семьи были смешанными: армяно-азербайджанскими, армяно-русскими, армяно-еврейскими. И вот представьте картину: жена - русская, получает свои «кровные» (а кровь в стране советской всегда дешево ценилась) - 100 руб, а муж протягивает паспорт и получает отказ, ибо он армянин...» Причем государственные институции не выдерживали самых элементарных экзаменов. «В постпредстве из-за огромного скопления людей вспыхнула дизентерия, желтуха, вши появились. И это в центре столицы, на пятом году перестройки! - удивлялась Анаида Беставашвили. Журналист Тигран Акопян писал в своей саркастичной заметке «Ну что, товарищи интернационалисты, может, поговорим о расовой сегрегации на местном материале?» в те суровые дни: «Беженцев разделили «для их же пользы» - русских стала опекать «Память», правда, не столько помогала материально, сколько натравливала на своих же братьев по несчастью иной национальности: мол, во всем армяне виноваты. Демократическая общественность Москвы осудила расистское решение (чьё - никто так и не узнал). Опротестовала это беззаконие и группа писателей «Апрель», которая и сама помогает беженцам морально и материально. А государство?» На этот вопрос М. Оганесян отвечает: «помню первую помощь постпредство выделило - плюс надбавили инвалидам детства и ветеранам войны. Но это они организовали, черпая из своего бюджета и из Армении. В самые первые дни прибытия помогали Детский фонд России и постспредство, это месяцы - январь-февраль 1990-го. Несколько ветеранских организаций небольшую разовую помощь предоставили - бабуля моя получила, например. Потом городские власти Москвы раздали нам ваучеров на 200 рублей, чтобы мы в определенном магазинчике в ГУМе (там такая специальная комнатка была для снабжения беженцев)». А.

Бестававшили отмечает помощь добровольцев, прибывших из Армении. «Часто приезжали «неформалы», помогали материально и просто ухаживали за стариками. Я плохо разбираюсь в неформальных движениях Армении, просто видела, что это хорошие люди».

Помощь Запада, как индивидуальная, так и институциональная, была особенно ощутимой. Кроме доставки основных продуктов питания (например, ветчина и мясные консервы, сухое молоко, макароны, крупы доставил армянин из Бельгии - М.Оганесов), Общественный комитет добился, чтобы до принятия Закона о въезде-выезде беженцы имели бы право подавать документы на выезд из СССР. К 1990 г. документы на выезд сдали уже около трех тысяч человек. «В США беженцев ждут различные благотворительные организации, в том числе армянские. Комитет обратился во Всемирный Совет Церквей и получил оттуда немедленный ответ. В Москву приезжал член Совета арменолог Герман Гольц (поразило, что читал на армянском «Отче наш»)). Была достигнута договоренность о том, что несколько десятков или сотен престарелых и больных беженцев обретут пристаттще в приютах при монастырях. Усилиями того же Общественного комитета был подготовлен первый список (15 человек), готовящихся к выезду в ФРГ. С просьбой принять немощных людей комитет обратился и к другим западным странам, а также в Комитет беженцев при ООН». Бестававшили отмечала, что она «лично получала деньги от писателей Италии, США, Голландии. Журналист Тигран Акопян в газете «Республика Армения» резюмировал: «Запад нам поможет – повторяем мы часто с иронией. А ведь действительно помогает».

«Новый класс» наднационального чиновничества. Кризис СМИ. В форс-мажорной ситуации бросалась в глаза пассивность государства. «Те, кто по долгу службы должны были что-то делать, не делали ничего. Рожениц не брали в больницы, а если и брали, то старались поскорее спихнуть с себя, то же и насчет стариков. Само государство выплатило по сто рублей на душу и 200 – на приобретение одежды и посчитало свою миссию выполненной» - публиковала пресса в (А. Бестававшили). Свою зловещую роль и в этой ситуации, как и на протяжении всего конфликта, сыграли «освобожденные» средства массовой информации. Журналисты, то ли действуя в сговоре с властями, то ли делая это самостоятельно, часто всерьез усугубляли положение беженцев, демонстрируя невежество и бесчеловечность. В условиях многомиллионной столицы остро стояла проблема размещения беженцев. Даже

армянского постпредства надолго не хватило. «Видите ли, с людьми из армянского постпредства было очень трудно работать. Мы, наверное, мешали им. Они запирались в своих огромных кабинетах по-одному, а в коридорах вповалку лежали и сидели люди. Даже упрекали нас. Это, мол, из-за вас здесь такое скопление людей, если бы не ваша помощь им, они бы рассосались! В конце концов нас выселили из здания, где мы занимали всего одну комнату. И мы теперь работаем рядом, в желтом сарайчике, принадлежащем ДОСААФ», - досадовала А. Беставашвили. Медиа всего мира зафиксировали тогда скандальный репортаж с автобусом полным беженцев, которых «убеждали» ехать обратно в Баку. «Безобразное отношение к беженцам достигло апогея к маю. Было распоряжение Моссовета старого состава всех беженцев к 15 мая выселить из пансионатов. Куда? В никуда. Так вот один из автобусов, который из пансионата направился к вокзалу (беженцам предлагалось отправляться назад, в Баку), люди не покинули. Они сидели в автобусе более недели. Среди них много стариков и детей». Тот автобус снимал на пленку весь мир, и журналисты не верили своим глазам, потому что трудно было вообще вообразить такую ситуацию. «А сколько нелепых слухов мы старались опровергнуть. Вдруг одна газета публикует, что новые дома в Солнцево захвачены армянскими беженцами. И никто не публикует опровержения, что это бред, чепуха» (Беставашвили). Были, однако, и просветы. «Слава Богу, в Моссовет пришли новые люди. Там сразу образовали комиссию по беженцам, нам на помощь пришли молодые депутаты Моссовета Александр Мельников и Олег Казаков. Представляете, в нашем штабе висело объявление: «Звонить депутатам в любое время суток». Особенно была отмечена работа Октябрьского райсовета - там на выборах победили демократы. В числе многосторонней помощи беженцам были обеспечение жильем и работой. «Людей поселили в гостинице «Южной», многих обеспечили работой на хлебозаводе. Так пусть сделают телепередачу, покажут людям, как армяне работают, выпекают хлеб для москвичей. Илья Заславский, председатель райсовета, обещал, что все беженцы будут работать» - вспоминала по горячим следам Анаида Беставашвили. Журналист Тигран Акопян отмечал важность эффективности властей, без которых индивидуальная помощь могла застрять на уровне личных услуг. Он писал: «это к вопросу о пользе демократов. Был замкнутый круг (нет прописки – нет работы, и наоборот), а в Октябрьском районе его решили». В общем же по Москве бюрократический цинизм и маразм столичных контор временами доходил в этот период до

абсурда. «Детей не брали в школы, в детсады, не заключались браки, не выдавались метрики и свидетельства о смерти. Ведь все эти документы выдаются по месту жительства, а место жительства у них – город Баку. Повсеместно мы сталкиваемся с юридической незащищенностью людей. В городе вводят карточки и «визитки», и десятки порогов надо обить, чтобы получили их и беженцы. Я собираю копии ответов, которые посылает беженцам на их запросы Прокуратура Азербайджана. Это уникальные документы. Так, например, один ветеран войны получил ответ, что его имущество находится у тов. Гасанова, проживающего по такому-то адресу» - писала А. Беставашили.

Социальные программы на периферии. Российская провинция чрезвычайно вариативна. Об этом свидетельствует книга канадского ученого М. Лайта, основанная на глубинных эмпирических исследованиях в пяти регионах современной России, включая Москву и подмосковье, Белгородскую область, Краснодарский край, Адыгея и Ставропольский край²⁰⁰. В Ростове, согласно свидетельству Артура Авакимяна, выплачивались единовременные компенсации по карте беженца. Различного рода помощь получили и беженцы, оказавшиеся в Москве. Ситуация усугублялась талонно-купонной системой, которая не позволяла людям даже при наличии денег купить продукты и прочие предметы первой необходимости в магазинах Москвы (Михаил Оганесов, Москва). Беженцы, оказавшиеся в Москве, имели несколько преимуществ – прямой доступ к информации и физический доступ к иностранным посольствам. Так, желающие смогли отреагировать на две специализированные под бакинских армян программы по переезду в США, объявленных в 90 гг. Больше того, у них было больше шансов оказаться в фокусе журналистских расследований и огласки. В этом смысле ситуация в других регионах России, в частности в Краснодарском крае выглядела иначе. Финансовая помощь и прочего типа компенсации из самых разных источников распределявшиеся в Нагорном Карабахе и в Армении, никоим образом не подразумевала беженцев, переселившихся в Россию. В основном, большинство участников исследования демонстрировали скептицизм относительно ожиданий помощи от государственных структур. *Какая помощь? Шутить? Хоть бы не машали бы* (Валерий Чалян, Краснодар). Новые социальные реалии забытости

²⁰⁰ Light Matthew (2016) *Fragile Migration Rights. Freedom of movement in post-Soviet Russia* Routledge London and New York. P. 224.

и «бесхозности» стали мощной базой для ностальгических настроений по *безмятежному, доброму* советскому прошлому. *Государство было в СССР. А сейчас это что? А 90-е и вообще вспоминать страшно* (Илона Асрибабаян, Краснодар).

(Ре)интеграция. Экономические стратегии.

Работа. Интеграционные процессы беженцев в России имели свою четко осознаваемую самими участниками исследования динамику, в основном позитивного свойства, по нарастающей. В этом смысле 90-е гг были самыми одиозными, но тоже именно 90-е имели тенденцию к тому, чтобы наиболее явно подпадать под структурную дискриминацию. Это связано с тем хаосом и кризисом, которые сопровождали тогда пошатнувшуюся российскую государственность. В начале нулевых имела место возмутительная по своему откровенно фашиствующему расизму дискриминация, формально основанная на проверке режима прописки. Трудоустройство, наряду с наличием жилой площади представлялись теми факторами, которые определяли различные степени интегрированности в новые социальные условия. Как и в большинстве мест (опыт беженцев в США предлагает иные опыты), интеллигенция, как престижный класс, подверглась если не де-профессионализации, то по меньшей мере, снижению статусного разряда. «Интеллектуалы массово пошли в школы – там были вакансии. К примеру, моя мать, математик, университетский преподаватель, пошла работать учителем в школу. Но это была не самая худшая участь. Некоторые бакинские интеллектуалы пошли в кочегары и уборщики. Врачи вынуждены были работать медсестрами и санитарями. Особенно те, кто застряли в подмосковных пансионатах – там, конечно и вовсе не было рабочих мест никаких. К середине и концу 90-х они стали стекаться в Москву. Конкуренция была, конечно, жестокая. Хотя прибыло-то всего тысяч 50 на десятиmillionную Москву» - вспоминает Михаил Оганесян. В условиях всеобщего кризиса советских институтов и централизованной плановой экономики мгновенно стало ясно, что некогда всемогущее государство рассчитывать не следует. Власти Москвы проявляли, в лучшем случае, полную индифферентность. В основном, относительно бюрократической поддержки, также себя вели и работники армянского постпредства. «Может что и делали хорошего эти люди, но я знаю противоположные факты. Скажем, приходил в свое родное постпредство радостный беженец, нашел работу и ему нужно только ходатайство, так ему в этой простой бумажке отказывали. Отказывали многим...» (А. Беставашвили).

Однако, высвобождение экономики из социалистических пут открывало беженцам наряду с остальными гражданами, большие перспективы для самозанятости. Многие пошли торговать на московские рынки «Цеховики (так их называли в советское время), по-новому кооперативщики очень помогали тогда беженцам, устраивали к себе на работу. Портными, другие профессии. Некоторые действительно неплохо устроились».

Посреднические элиты. Также как и в Армении и в Карабахе большинство высококвалифицированных кадров в России подверглись депрофессионализации и часто были вытеснены из публичности в своей досоветской жизни в неформальные сферы в постсоветский период (городской или сельский контексты играли решающую роль). Наряду с прочими бедствиями, коррумпированность государственных органов в контексте насильственной миграции производила безмерно шокирующий эффект, обостряя ощущение катастрофы, государственного коллапса, незащищенности и покинутости. Зато будучи в криминальные 90-е вытеснены в неформальные или полупоформальные среды, которые подразумевали усеченные налоги, выплаченные в личные карманы государственных чиновников и инспекторов («государственное крышевание»). Тем не менее, в условиях бОльших возможностей ресурсно богатой России многие беженцы получили шансы на успех в «диком» пост-советском бизнесе – как в крупном, так и в среднем и мелком. В нулевые происходит окончательное становление этих групп, постепенно частично снова оформляясь в так называемые *посреднические* промежуточные меньшинств²⁰¹, то есть билингвические армяне Азербайджана легко подпадают под определение посреднических меньшинств. В России, не желая мириться с участью парий, они обратились к стратегии самозанятости через предпринимательство и розничную торговлю. Артур Баласанян, рассказывал, как непросто было ему лектуалу примерять на себя роль «торгаша». Однако, новые условия жизни не предлагали иных выходов. Причем они, по всей видимости, явились возможно классическим примером посреднических меньшинств и в Азербайджане, где их постигла классическая судьба маргинальных *по определению* групп. Экономические успехи бывших беженцев вызывали раздражение местных жителей. В

²⁰¹ Выдвигается здесь в качестве непроверенной гипотезы. Теория посреднических меньшинств, мелких розничных торговцев разработана американскими социологами (Эдна Бонасич и Айван Лайт): Light I. 2010 Transnational Entrepreneurs in an English-Speaking World.

частности особенно выраженные ситуации имели место в Краснодарском крае. *Соседка зашла на чай и, увидев новый телевизор, прошипела – разбогатели на кубанской земле? Я перестала приглашать* (Альбина Гарибян, Краснодарский край, поселок Пашковский). *Никакого сочувствия к нам как к беженцам не было. Наоборот, в отношении самого важного - жилья: для нас квартиры стоили даже выше рыночных цен, причем хозяйка приходила и поднимала цену почти каждый месяц. Мы как-то не хотели принимать на себя просительный образ, старались держаться. А людям хочется, видимо, увидеть твое унижение. Мы держались, и нас наказывали.* (Карина Шахназарян, Краснодар).

Жилищная проблема. Основной проблемой в России, как и в большинстве мест поселения беженцев, была и до некоторой степени остается и до сих пор жилищная проблема (не в таком масштабе, как в Армении и в Карабахе). Специальной программы по обеспечению жильем для армянских беженцев в России не было. В одной из своих статей Л. Графова рассказывает об идее строительства городка для беженцев их же силами, выдвинутой Комитетом беженцев. «Идея эта вроде претворяется. Выделено место в 300 км от Москвы. Записалось около восемь тысяч человек (разумеется, не только армяне). Нашлись и союзники в этом деле. Французский кооператив для беженцев «Лонгомай» готов принять на быстрое обучение строительным специальностям двенадцать человек, а также прямо сейчас передать беженцам завод по изготовлению кирпичей. Московские армяне готовы бесплатно провести геодезические работы и подготовить проекты. Одним словом, многие помогают беженцам. Но не государство, повинное в трагедии». Несмотря на то, в отличие от России, в Армении и в НКАО и позже в de facto Карабахе были инициированы государственные программы по обеспечению армянских беженцев крышей над головой, основной проблемой беженцев во всех перечисленных странах остается жилищная проблема. В начале 90-х гг. на фоне беспрецедентного патриотического подъема, государственные инстанции Армении проводили политику, так называемой в специальной литературе по процессам в диаспорах, этнически-привилегированной (ре)эмиграции. «Десятки тысяч наших соотечественников нуждаются в нашей помощи. И не приюты на Западе или города в российской средней полосе должны стать их последним пристанищем, а Армения» - высказывалась в прессе В. Чаликова. В свою очередь, А. Бестававшили отмечает, что работе Комитета беженцев в Москве помогала Армения. «Мы держали постоянные контакты с самыми разными государственными и

общественными организациями из Армении, в результате чего многие [беженцы] уехали в Армению... Мы постоянно поддерживаем связи с НКАО. Обменивались информацией о поиске пропавших без вести». Однако, несмотря на усилия Армении и Карабаха организовать возвращение этнических армян обратно в регион и отсутствие каких-либо скоординированных программ по обеспечению жильем беженцев в России, следует отметить, что в наименьшей степени бездомность армянских беженцев остается фактом социальной жизни в современной в России. Такое положение вещей можно было бы объяснить совершенно разными финансовыми и ресурсными возможностями России по сравнению с Арменией и Карабахом. Так или иначе, обретение жилья называется главным трансформирующим фактором процессов интеграции в принимающее сообщество.²⁰²

Гораздо хуже обстояли дела в российской глубинке, в частности в Краснодарском крае²⁰³. Один из активистов общественной организации «Южная волна» (г. Краснодар) говорит о политике двойных стандартов международного сообщества в отношении беженцев. В частности, Россия – один из ярких образцов. В первую очередь такое отношение объясняется неприкрытой политикой фаворитизма и эксплицитно, подчеркнута примордиалистским (в противовес советской доктрине «дружбы народов») отношением к *своим* русским беженцам из Чечни и *иным* (Девятый километр в Краснодаре – городок беженцев, в котором не живет ни одного «нерусского»). Многочисленная помощь армянской диаспоры, переживающей романтический этап своей любви к вновь обретенной родине (так называемый медовый месяц взаимоотношений диаспора-родина, по терминологии Размика Паносяна²⁰⁴), до этих адресатов, по понятным причинам (адресата

²⁰² См.: Baghdasaryan M. The Hardships of Becoming “Locals”: Refugees Before and After the State Housing Program in Armenia. *Caucasus Analytical Digest*. 2009, 04/09.

Baghdasaryan M. Contesting Belonging and Social Citizenship: the Case of Refugee Housing in Armenia. *Citizenship Studies*, 2011, vol. 15, no. 3–4, 529–542.

²⁰³ Подробнее см.: Нона Шахназарян «А где же мы свои?» Вестник Евразии. Москва. 2008
<http://cyberleninka.ru/article/n/a-gde-zhe-my-svoi-begstvo-i-migratsii-armyan-azerbaydzhana>

²⁰⁴ Panosian R. A Complex Past. A Difficult Present, a hazy future (relations of Armenians and the diaspora 1988–1999) *Диаспоры: независимый журнал*, 1–2, 2000, Moscow, p. 30.

не было на месте, коррумпированность советской номенклатуры и новых самовыдвиженческих элит), не дошла.

Стереотипизация и категоризация: универсалии или идиосинкразии? Травма. По свидетельствам участников, конструирование Своего как Другого обрело наиболее крайние формы в Армении, но от этого ксенофобные нападки на русскоговорящих беженцев в России показались даже еще более несправедливыми, ввиду того, что и в России среди русскоязычных (основной фактор маргинализации их в Армении) их не восприняли как своих. Теперь их не устраивала наша кавказская наружность. Останавливали, штрафовали, кидали оскорбительные подколки. А самое страшное, называли мусульманами. Меня так не расстраивало, когда нас называли черными, но когда мусульманами... это был полный нонсенс. Невежество и безграмотность повсюду (Элина Гаспарян, Краснодар). Факторы культурной и социальной дискриминации в Армении, чаще всего связанные с лингвистическим шовинизмом и урбанистическим стилем жизни, усугубились в России 90-х гг, когда границы криминального и формально-официального мира практически не различались, когда милиционеры, несколько не отличаясь от рекетиров, подвергали «иногородних» настоящим преследованиям, вымогая деньги по формальному признаку незарегистрированности (будь то в столичном метро, или на улицах и рынках провинциальных городов, в частности Краснодара). Как и в Армении и Карабахе, социальная борьба за ресурсы отразилась также в сконструированной «снизу» метафоре *незванных гостей*. Причем называли так всех *не русских*²⁰⁵, *всех причисляли под одну гребенку* (Карина Чалян, Краснодар). С точки зрения гендерных различий в переживании опыта насильственного перемещения, женщины-беженки (впрочем, как и мужчины, но в большинстве случаев это выразилось острее, возможно ввиду того, что речь шла о потере чисто женского локуса – *своего дома, своей кухни*) из азербайджанских городов пострадали также от травмы²⁰⁶ и культурного шока²⁰⁷. Другими словами травма усугублялась

²⁰⁵ В том числе турок-мехетинцев. Нона Шахназарян (2011) Леви-Стросс и турки-мехетинцы. Аналитикон. Онлайн журнал.

²⁰⁶ Sztompka Piotr (2004) The Trauma of Social Change. A Case of Postcommunist Societies. Chapter 5 in: Cultural Trauma and Collective Identity. Eds. Alexander J., Eyerman R, Giesen B., Smelser N, Sztompka P. University of California Press: Berkeley. Los Angeles. London.

²⁰⁷ Подробнее см.: Shahnazarian N., Ziemer U. Emotions, Loss and Change: Armenian Women and Postsocialist Transformations in NagornyKarabakh. Caucasus Survey, 2014, vol. 2(1–2), pp. 27–40.

потерей *нормальности* ситуации, новыми и непривычными условиями жизни. Тем не менее, спустя четверть века местные говорили о беженцах в терминах надломленности и травмы (сложился корпус исследовательской литературы по последствиям насильственного перемещения). В игровом фильме московского кинопродюссера Дианы Мкртчян «Гата», режиссеру «трогательными до спазма» образами удалось мастерски показать, что дело, возможно, не только в наличии жилья, и что спустя столько лет они по-прежнему очень несчастны, и причины кроются в них самих: они *ничего* не делают и *не хотят* делать (мужчина-беженец, который, потеряв счет времени, денно и нощно слушает новостное радио). В связи с этим в исследовательской литературе по последствиям насильственного перемещения фиксируется несколько важных постулатов. Например, идея о том, что предметы материального свойства, которые жертвуются для *нормализации* жизни насильственно перемещенных людей, несопоставимы с их психологическими утратами: «они заполняют пространство, но не имеют позитивной онтологической ценности». Особенно в ситуации долгосрочной подвешенности затянувшегося перемещения (*protracted displacement*) они, ни в коей мере, не восполняют этих потерь, не *нормализуют* их жизнь²⁰⁸. *Очень пусто – вот в чем дело... невыносимо пусто, живешь будто не своей жизнью.* . - жалуются беженцы, которые так и не смогли преодолеть травматический опыт и найти мотивации для новой жизни на новом месте. А. Бадью (Badiou 2001, 2007) считает, что *ничто, ничего* – это социальный феномен со своим самостоятельным существованием, который обрывает процесс социальной реконструкции и производства смыслов²⁰⁹. Ничегонеделание признаков провала в попытке вернуться к *нормальной* жизни, знак продолжительного «зависания» и лиминальности (состоянии локации себя между социальными контекстами, пороговости). И чем дольше длились психологические эффекты состояния «между», тем меньше просматривалось путей выхода из травматического опыта на пути к новой жизни без оглядки на прошлое.

²⁰⁸ Dunn Elizabeth Cullen (2014) Humanitarianism, Displacement, and the Politics of Nothing in Postwar Georgia. *Slavic Review*, Vol. 73, No. 2 (SUMMER 2014), pp. 287-306 URL: <http://www.jstor.org/stable/10.5612/slavicreview.73.2.287> Accessed: 13/03/2015

²⁰⁹ Billy Ehn and Orvar Löfgren, *The Secret World of Doing Nothing* (Berkeley, 2010).

Заключительные ремарки. Невзирая на многократно считанные коды отчуждения в начале переезда, опыт беженцев в России скорее описывается в терминах положительной динамики, или, в крайнем случае, амбивалентности. С одной стороны в России из-за конкуренции за доступ к ресурсам беженцы подверглись стереотипизированию, маргинализации и расовой дискриминации, с другой стороны большая страна, объективно предлагавшая иные ресурсные возможности, и ситуация на порядок оказывалось выигрышной для беженцев, переехавших в Россию. Примечательно, что как только беженцы «встали на ноги», они стали отправлять адресную материальную помощь своим родственникам в Армении и Карабахе.

Обобщая вышесказанное можно вычлениить оппозиционные пары, дихотомии, сложившиеся в отношениях с принимающими сообществами в процессе интеграции и по сути дела сыгравшими ключевую роль в формировании самих контуров и ландшафтов интеграционных процессов. Ряд дихотомий состоит из следующих оппозиционных пар: по типам дискриминаций – прямая (прямо направленная в адрес беженцев) и структурная (обобщенная, связанная с общим социальным хаосом, вакуумом власти и прочими бедствиями и кризисами). В свою очередь прямая дискриминация вбирала в себя государственного уровня (коррупция, вымогательства, псевдопрописка (фальшивая, оформленная за взятку; действующая прописка, но тоже оформленная за взятку) и бытовой уровень (уничижительные клички, язык вражды и политики более высоких цен при съеме квартир). Следует еще раз подчеркнуть, что отчуждение, маргинализация и дискриминация имели разные «лица» и различную интенсивность в разных российских регионах. И эти лики зависели от набора следующих дихотомий: столица-провинция, север- юг России, 90-е гг – нулевые. В свою очередь, по оси межгрупповая дискриминация отчетливо выявилась дихотомия «старые» - «новые диаспоры». Тем не менее, пройдя через все круги дискриминации беженцы-армяне продолжают сохранять, в общем, высокую степень лояльности к принимающей стране? Это в равной степени справедливо как в отношении тех, кто остался в России, так и тех, кто выбрал более сложную траекторию реэмиграции. Проблемы беженцев чаще всего обсуждаются в терминах материального достатка и доступов, ассоциируя весь интеграционный процесс, прежде всего, с обеспечением жилья. Исследование обнаруживает, однако, что чтобы раскрыть механизмы успешной интеграции беженцев и перемещенных групп, следовало бы обратить

внимание на социальный опыт длящейся лиминальности / пороговости и пагубные эффекты «подвешенных состояний».

Նոնա Շահնազարյան (ՀՀ), Խտրականության և ինտեգրման սոցիալական սահմանները հետխորհրդային Ռուսաստանում. Աղբյուրներից ներգաղթած ռուսախոս հայերի դեպքը (1990-2016).

Nona Shahnazaryan (RA), *Social Dimensions of Discrimination and Integration in Post-Soviet Russia: The Case of Armenian Russian-Speaking Migrants from Azerbaijan (1990-2016)*. The article focuses on the relationships between Armenian refugees from Azerbaijan and their co-citizens in Russia since 1990. The author discusses collisions arising as a result of cultural, economic, and routine interactions in the context of diminishing resources in the host society, social factors propelling either alienation or rapport between members of different strata of the different ethnic groups, and the specific ways in which new identities are constructed and old reconstructed among the refugees seeking to adapt to the new conditions of life.